

Глава первая

ПОДАРОК

1

— ...В новогоднюю ночь лепить снеговиков в Петербурге будет не из чего! Синоптики предупреждают, что...

Мокрая Мишка переключила радио на другой канал. Музыка бодро вкрутилась в уши аж до ствола мозга. На набережной никого не было, только она и большая елка, захлебывающаяся под дождем. Елка тряслась на ветру и всеми украшениями из желтых, оранжевых и фиолетовых огоньков подавала сигнал бедствия. Мишке тоже впору такой сигнал подавать, да только никто не услышит... Лило как из ведра, выплеснутого по ветру. Она спряталась от летящей ледяной воды за постамент елки с новогодними глупыми зайчиками и вытерла лицо. На черную рваную Неву под злым небом было страшно смотреть: другого берега за ливнем не видно — край мира, сумерки, жуть. Ни одному человеку не придет в голову тут стоять.

Но после школы ей было так тошно и не к кому пойти, что она пришла к мосту. Сейчас в сумерках сквозь ливень его серый ближний пролет и как будто средне-

вековые башни еле угадывались, левобережного пролета не было видно совсем, будто мост уходил в пустоту. Ничего, ничего, уже скоро... Мишку трясло от холода. Надо еще чуточку подождать... Сумерки ж уже, темнота, чего они не включают?! Елка ж уже светится? Значит, скоро...

Вот! Фонари на обоих берегах разом вспыхнули редкими золотыми шариками. Мир стало видно. На пролетах моста потихонечку начал проступать еще даже не свет, а его обещание. Мишка не отводила взгляд, хотя дождь заливал лицо. Свет разгорался, и вот уже видны оба пролета, очерченные слабым зеленым сиянием, едва пробивающимся сквозь ливень. Призрачный зеленый мост соединил берега над страшной Невой, и на миг Мишка поверила, что все будет хорошо.

Но подсветка моста необратимо разгоралась все ярче, на нем вспыхнули новогодние золотые и синие огни, и вот уже совершенно обыкновенный Большеохтинский мост сиял во всю мочь белым: «Праздник! Праздник!» Вот только праздник не имел к Мишке никакого отношения.

Она вытерла слезы — или дождь — и посмотрела в сторону дома. Ну нет. Сил идти домой нет. Поэтому она побежала к светофору и, на минуту остановив огромного, слепящего каждой чешуйкой мокрого змея из десятков машин, в каждой из которых разозлился из-за остановки водитель, перелетела дорогу в ярком злобном свете фар и помчалась меж чужих домов куда глаза глядят.

На проспекте было полно народу, все выглядели бодро, несмотря на проливной дождь и порывы ветра,

выворачивающего зонты, — тридцатое декабря. Завтра праздник.

Мишка устала и очень хотела есть. Ботинки промокли, как ни обходи лужи, шрамы зудели под отсыревшими джинсами, куртка оставалась сухой лишь под рюкзаком на спине, от холода и сырости колотило — и она свернула в сторону огромного торгового центра, похожего на утюг с лабиринтом внутри. Там хотя б сверху не льет и ниоткуда не дует.

Свет, тепло, толпа, изможденные снегурочки с рекламой пиццы на кокошниках, музыка сквозь музыку в наушниках — среди молла шло представление, и Новым годом грохотало по всем ослепительным этажам. Мишка скорей пробежала в туалет и умыться — из зеркала глянуло угрюмое чудовище с темными кругами под красными глазами. Промокший монстр, больше похожий на парнишку. Она сняла куртку, причесалась пальцами — на миг в отражении проступила девчонка, но тут же спряталась. Брови мрачнее, губу чуть презрительней вперед — не до девчачьей красоты.

Крючконосая старушка рядом, похожая на переодетую Бабу-ягу, заметив Мишкины гримасы, отодвинулась. Мишка вежливо улыбнулась ей, но улыбка вышла кривая — дрожа кудряшками и подарочными пакетами, бабка-ёжка убежала прочь. Мишка пошла греть ледяные пальцы в сушилке для рук. Старух она боялась. Ну, не самих старух, а того, что они в любой момент могут выкинуть что-нибудь ужасное. Например, умереть. А потом над ними будут жужжать мухи... Ой! Мишка развернулась, бросилась опять к раковине и скорей умылась. Вода ожгла холодом, и ее встряхну-

ло в судороге озноба с ног до головы. Ничего. Ничего, пусть холодно. Пусть холодно, потому что тогда, в доме у бабушки Дины, было жарко, жутко жарко... Пусть сейчас — холодно! Пусть всегда — холодно!

Но терпеть этот холод, конечно, тяжело. Снаружи было полно народу. Орал ребенок в проносющейся мимо коляске, а его мать орала в телефон — слов сквозь музыку не разобрать, только визг. У Мишки подкашивались ноги. Где бы присесть? Зеленый гном в скобочившейся красной шапке сунул Мишке в руки листовку — оказалось, флаер на бесплатный глентвейн.

В кафе было тише, головокружительно пахло кофе и булками с корицей, толпились люди, и выяснилось, что к безалкогольному глентвейну по листовке полагается хоть что-то купить. Мишка растерялась, замерла — но замотанная, в красных пятнах румянца тетечка за прилавком вздрогнула, забрала листовку и протянула Мишке большую кружку за так. Улыбнулась:

— С наступающим!

И как раз освободилось место в темном углу — зато у батареи. Мишка приткнула к ней куртку, села и, обхватив горячую кружку, едва не сунула туда нос. Корица, имбирь, всякие пряности... Жить стало легче. Полкружки сразу — внутри тепло. Спихватилась, поставила — надо растянуть, не сидеть же с пустой посудинкой.

Вспомнила, что в рюкзаке на дне остатки шоколадки, полезла — и наткнулась на проклятый учебник геометрии. А дома не менее проклятые алгебра, физика, английский и еще всякая мелочь вроде ОБЖ... Снова стало тошно и обидно: ну вот удавалось же не думать о школе почти десять минут! У всех нормальные каникулы, а

у нее одни двойки, как черные пятна в глазах... Ну как у всех: у Таньки-фигуристки с алгеброй завал, у пары пацанов в классе еще по сколько-то двоек в четверти, но такого могильного кургана, как у нее, нет ни у кого. Чемпионка. И то по истории, по географии, по истории Санкт-Петербурга, по музыке — добренькие учительницы в счет прежних заслуг нарисовали тройки за «с Новым годом». За «хорошая девочка равно плюс балл», вот только Мишка давно уже перестала быть «хорошей девочкой». Нет, она не хамила, музыку на уроках не слушала, не приходила, как Танька Неземновская, на занятия в розовой толстовке с блестящими буквами «Want love?», вызывающей бешенство у школьных взрослых. Терпела скуку и одноклассников. Ничего плохого не делала. Но «хорошая девочка» в ней сдохла и воняла так, что учителя сперва отводили глаза и морщились, а потом и вовсе перестали ее замечать. Никто из них больше не смотрел ей в глаза на уроках, да и она перестала на них смотреть. Как и на доску, на экран проектора, в учебник, в тетрадь — или даже в окно. Просто сидеть за партой и никого не трогать, ни с кем не разговаривать, почти не шевелиться, ни о чем не думать, ни на что не смотреть — все, для нее достаточно. Если ругают, вот как учитель геометрии сегодня, — отключить слух. На перемене встать у стенки, уткнуться в телефон, чтоб не приставали, замереть. Хорошо, что на переменах так шумно.

А теперь главная завуч говорит, что с таким количеством двоек в четвертях никто ее к экзаменам не допустит. Классная руководительница дала листок со списком всех училищ города, где принимают на базе восьмого класса: «Давай присматривайся». Мишка,

конечно, листок скомкала и выкинула, но теперь думала, что, наверное, зря. Какая разница, где сидеть за партой и ни на кого не смотреть. Шоколадка какая-то горькая...

— Девочка, можно присесть?

Мишка вздрогнула и, побоявшись взглянуть, кивнула женщине в черном. Конечно, в переполненном кафе каждое место на счету. Черная женщина поставила чашку с эспрессо, села:

— С наступающим, девочка, спасибо.

Может, «с наступающим» — это волшебный пароль? Или голос, в котором, кроме вежливости, сияли и сила, и тепло, — волшебный? Мишка подняла голову и посмотрела: в годах, красивая и уверенная, от ее вида аж мурашки по спине побежали. Вот бы стать такой когда-нибудь! К таким женщинам можно приблизиться только случайно, вот из-за толкотни в кафе: как там по обществузнанию — другая социальная страта? Пахло от нее безнадежно далекими, счастливыми и солнечными мирами. Мишка пересилила робость, ответила:

— Не за что, и вас с наступающим.

Та кивнула, не отрываясь от телефона. Что ей до Мишки...

— У тебя красивый голос, — вдруг сказала женщина не глядя. — Ты можешь быть обаятельной, но не хочешь.

— А зачем? — всерьез спросила Мишка.

— А затем, что только жалким подросткам бесплатно дают безалкогольный глинтвейн, — усмехнулась женщина, остро взглянув. — Да и то лишь под Новый год. Или ты всегда собираешься жить на подачки?

Мишка чуть не вскочила, чтоб убежать. Вот только дальше что? Идти по ослепительным новогодним этажам под музыку и писк терминалов, списывающих щедрые денежки, мимо праздничных людей, бессильно шипя всякие гадости про эту женщину, которая, между прочим, права? Глинтвейн ей подарили потому, что она действительно жалкая.

— Ваш разговор — тоже подачка, — подумав, сказала Мишка. — Какое вам до меня дело?

— Так жалко же, — кивнула женщина. — Маленькая, мокрая, один на один с жестоким миром, — она усмехнулась. — С проблемами какими-то в семье и в школе. Но ты пойми, долго жалеть не будут — вот выйдешь из этого возраста, который все помнят как ужасный, и никому даже случайно до тебя дела не будет.

— Я знаю. — Мишка вспомнила про маму, до которой точно никому не было дела. Иногда даже самой Мишке. — Дело есть только близким, да и то не всегда. А бесплатно люди только за какую-нибудь выгоду друг другу помогают.

— А тебе не помогает никто, потому что выгоды от тебя никакой, — дама снова усмехнулась. — Ну, что у тебя есть, что ты могла бы поменять на внимание и поддержку?

— Людям нравится помогать, потому что тогда они чувствуют себя более значимыми. — Кое-как выразила Мишка впечатление от всего этого странного разговора. — Так что просто есть... жалкая я.

— Умница, — кивнула женщина. Какой у нее все-таки острый, колющий взгляд. — То, что нам кажется бескорыстием, иногда им вовсе не является. Но это все

слишком сложно накануне Нового года. Сейчас время улыбаться и дарить подарки. — Усмехнувшись, она вынула из сумки белую картонную коробочку и положила на стол: — Денег это не стоит, не пугайся. Просто тебе нужно немножко уверенности, вот я тебе это и дарю.

— Но...

— Хотя следует добавить немного стойкости и цепкости ума. — Она задумчиво постучала идеальным, но без следов лака ногтем по крышке коробочки. — Знаешь, если не включить мозг в твоём возрасте, мир потом окажется мерзким, — она подтолкнула коробочку к Мишке и поднялась: — До свидания, медвежонок! Будешь умницей — увидимся!

Кофе ее остался нетронутым.

«Медвежонок»? Откуда она знает?! «Увидимся»?

На улице стояла тьма в рыжих пятнах фонарей. Дождь неостановимо лил и лил, порывы ветра гнали воду в лужах, хлестали по ним невидимой метлой, и Мишке на миг стало интересно, не закрыли ли сегодня дамбу, как неделю назад, когда погода была вот такая же и всем на телефоны пришло штормовое предупреждение. Как специально для нее, потому что всю эту неделю и дома, и в школе бушевало наводнение, очень похожее на видео с дамбы: во мраке, прорезанном прожекторами, злые огромные волны бьются в белый батопорт, едва не перехлестывая, и грохот жуткий, аж хочется съежиться и исчезнуть. А ее настиг такой же шторм из учительских выговоров, двоек, позора и тухлой тишины на бессмысленных последних уроках четверти, скандалов дома,

сидения, под вопли и грохот игр младших, за письменным столом над нерешаемым уравнением, пока в голове не начинают жужжать ужасные мухи — из-за них, мух этих мерзких и жирных, потом бессонница всю ночь и жуткий мертвый сон перед утром, такой глубокий, что мама едва могла ее растолкать и выгнать в школу.

Да, исчезнуть бы, укрыться хоть где-то. Но куда тут исчезнешь? Сбежать из дома — такой дурой она не была. Найти маленькую зеленую дверку в волшебную страну, где она станет златовласой принцессой и будет кататься на фиолетовом драконе высоко-высоко над поросшими лесом волшебными горами? Ага. А чтоб дракон какал бабочками — тоже включить? Да не надо ей на самом деле никаких сказок. Ей бы уголок, чтоб спрятаться ото всех и всего. В тишине.

Ветер мокрой тряпкой хлестнул по лицу, и она очнулась. Темно, поздно — надо домой. Кстати подкатил автобус, а проездной вот он, в рюкзаке... В автобусе противно пахло мокрыми людьми, табаком от кондуктора, но все лучше ехать, чем брести под дождем по лужам.

В рюкзаке лежит и белая коробочка. Как женщина ушла, Мишка хотела встать и уйти, не трогая подарок, понимая, что над ней просто подшутили. Чудес не бывает. Отпила остывшего глинтвейна — кисло и противно. Подумала. Потом из любопытства все же открыла коробочку: там лежал узенький черный браслетик из чего-то вроде пластмассы. На свету чернота немного отливала синими искрами, а сам браслетик почти ничего не весил. Но, в общем, стильный. Подобные штуки иногда дают в дорогих магазинах одежды в подарок за покупку, вот и этой даме в черном тоже, наверное, дали, а он,

копеечный такой, ей ни к чему. Вот и подарила жалкому подростку. Подачка. Сама виновата... Пусть будет, пусть напоминает, как стыдно быть жалкой. Да и в самом деле уверенности со стойкостью где-то бы раздобыть, и Мишка спрятала коробочку с браслетом в рюкзак.

Пока она бежала от остановки до дома, куртка опять промокла на плечах и груди, а джинсы — насквозь. Казалось, кто-то с неба нарочно выцеливает ее пожарным шлангом и злой ледяной водой промывает от последнего тепла. Это так невыносимо — когда холодно! Хотелось заплакать, но она собралась и добавила скорости. Пусть небо рыдает взхлеб, а она не будет. В подъезде охватило влажной духотой. В лифте лужа — со всех на стекло. С Мишки тоже вон капает. Ну и что?

— Как, что, исправила?! — Мама торопливо вышла в прихожую, хотя Мишка вошла бесшумно. — Да что молчишь? Нет?!

— Нет, — Мишка мотнула головой. — Мам, куда куртку повесить? Сырая насквозь. И ботинки вот...

— На репетитора отец денег не даст, — мама забрала куртку. — И так от тебя одни расходы, а толку — ноль. Напихай вон в ботинки газет и поставь к батарее, но не близко. И давай в душ, а то простудишься, Катюшку с Митей заразишь, мне только этого не хватало. Одни проблемы от тебя...

Ну да. Одни проблемы. Мишка сама — целиком одна большая проблема. И помощи ни от кого не дождешься, это она еще летом поняла, когда в жару... Мухи... Да что там летом — куда раньше, в тот жуткий Новый год на даче пять лет назад. Когда в соседней комнате звонили новогодние куранты, а она... В темноте...

— Ноги в тазике с марганцовкой поддержи! — добавила мама в спину. — И лекарством потом намажь погуще!

Как будто Мишка сама не знает, как быть со шрамами. Ну ладно, спасибо, что мама вообще про них помнит.

2

Тридцать первого декабря, бесснежным тусклым утром родители собрались, прихватили с собой младших и уехали на дачу. А «эту дуру» Мишку оставили наедине с учебниками, мол, никакого «Нового года» и подарков не заслужила, сиди учи, дебилка. Хлеб, молоко, овсянка, сосиски, яйца в холодильнике есть, с голоду не помрешь, а проверять будем видеозвонками, и попробуй только уйти из дома! Наступила тишина.

И она поняла, что случилось чудо.

Тихая, тишайшая тишина. Ни Катькиных-Митькиных воплей, ни родительских разборок. Ничего. Лучший новогодний подарок. То ли дождик, то ли мокрый снег шуршит снаружи по стеклам, а она одна в тишине и тепле... Дача эта их... Да чтоб она провалилась! Понятно, сам по себе старый домик под шиферной крышей, тесный и темноватый, ни в чем не виноват, но Мишка ненавидела дачу. Каждый перекошенный наличник, каждую половую доску, каждый тазик на кухне, каждую редиску или луковицу на грядке. Она ненавидела даже Выборгское шоссе, которое вело в дачную сторону, каждый столбик, указывающий километраж. И это была абсолютно справедливая ненависть.

А сейчас — никакой дачи, никакой семьи. Одна. Наконец-то.

Нервы разжались сразу, и Мишка, закрыв за родителями и младшими дверь на все замки, ушла в детскую, залезла под одеяло и уснула мгновенно, будто в мозгу погасили свет.

Проснулась от новогоднего грохота. Фейерверк рванул сразу за стеклами, и Мишка лежала и смотрела на цветные бешеные узоры за, казалось, дрожащими тюлевыми занавесками, не слишком понимая, наяву все это или во сне. Зачем людям такие взрывы пиротехнического счастья? Неужели кто-то на самом деле может испытывать такие же синими и зелеными искрами разлетающиеся во все стороны хорошие чувства? Или — плохие? Вот когда злишься или вдруг ярость — вот тогда больше похоже на слепящие брызги во тьме.

С другой стороны — а злиться зачем? А все это — зачем? Хорошо бы ночью в городе эти фейерверки ничего не подожгли. А то страшно... Папа объяснял, конечно, что большой многоэтажный дом фейерверком не подпалить, а балкона с барахлом, которое может загореться, у них нет. Так что можно не бояться... Она отвернулась к стенке и снова задремала. Пусть календари меняются без нее, ей надо спать, спать...

Только утром, наливая в чай молока, она поняла, что родители так и не позвонили, с Новым годом не поздравили. А сейчас спят, наверное, — что их беспокоить? За окном стояло просторное, безлюдное, с розовым краешком неба новенькое утро. Подморозило чуточку, присыпало снегом. Мишка сладко зевнула, чувствуя, как все тело радуется, что наконец-то выспалось. И варенье

клубничное можно есть сколько хочешь, и никакая Катька не ноет: «Мам, она все одна сожрала совсем!», и Митька не тырит из-под руки последнее печенье.

В детской она включила огоньки на елке, построила палатку из одеял, как в детстве, когда Катька еще сидела в манеже, а Митьки и вовсе не было, набросала в нее подушек и устроилась там так, чтобы было немножко видно елку с огоньками и можно представлять, что палатка стоит в волшебном лесу сплошь из новогодних елок. В палатке стало душно, тепло и сонно, и она еще немножко поспала, даже сквозь дрему чувствуя счастье, что никто не придет и не заорет: «Что это ты тут нагородила, дура, убирай по местам, и так в доме черт знает что, иди мой пол, иди мой посуду, иди за хлебом, иди вынеси мусор!» Разбудило ее сообщение от мамы: «С наступившим, ты как?» Мишка написала «Нормально», вылезла из палатки, сфотографировала страничку из учебника алгебры и отправила вдогонку. Вот они там едят мандарины и гуляют, и у них, в ста километрах от города, может, даже снег есть, а она тут с этой алгеброй наедине... «Сама виновата, — ответила мама. — Смотри мне, чтоб никаких подружек не приглашать!» Как будто у нее есть подружки. Раньше были, да... До лета. Но сейчас нет сил их терпеть. А у них, наверное, нет сил терпеть ее. Да им и стыдно дружить с двоичницей.

Мишка полистала учебник — надо заниматься, да... Хотя бы для того, чтобы не получилось, будто она наврала маме. Но не с алгебры же этой ужасной начинать. Нашла учебник литературы, залезла с ним в палатку и стала учить стихи Пушкина. Выучила. Прочитала весь учебник, поспала. Вылезла перекусить, а за едой читала